

ную природу своего «я», его духовную сущность, мы выводимъ положенія о мірѣ, ибо приходимъ къ тому неизбѣжному слѣдствію, что «волнующіе нашу душу законы нравственного міра связаны корнями своими съ невѣдомымъ», духовнымъ, объемлющимъ міръ вообще. Матерія не опредѣляеть ни одного мига морального существованія, а, наоборотъ, сама опредѣляется силой понужденія моральныхъ законовъ. «Если разумъ, — говоритъ Толстой, — и произошелъ отъ развитія, то начало его скрывается въ безконечномъ. Въ оторвавшихся частицахъ вертящагося солнца уже былъ зародышъ разума... Значить, самой косной матеріи свойственно развиваться и осуществляться въ духѣ».

Если невѣдомымъ намъ путемъ изъ косной матеріи развивается сознательность и дѣятельность духа, то это лишь проявленіе міровой сознательности и общихъ законовъ духа. Толстой рисуетъ себѣ движение въ матеріи зародыша сознательности къ своему высшему проявленію, завершающемуся «уничтоженіемъ въ Богѣ».

«Все проходитъ, все уничтожается,—говорить мыслитель,— земля — пылинка, 1000 лѣтъ — минута. Все материальное — ничто. Одно реальное — законъ — воля Бога».

Такъ-называемые желѣзные законы естественной необходимости, законы причинъ и